

Принцип дополнительности и социологические реконструкции в археологии*

Методологический принцип дополнительности, предложенный Н. Бором для квантовой физики, получил широкое распространение в разных науках, включая гуманитарные. В археологии примеров его использования не слишком много¹, либо этот вариант изучения прямо не декларируется. Между тем, данный подход способен существенно обогатить исследовательскую практику. Согласно принципу дополнительности для воспроизведения в знаковой системе целостного явления *необходимы* взаимоисключающие, дополнительные классы понятий. Таким образом, признается допустимым взаимоисключающее употребление двух языков, каждый из которых базируется на обычной логике². В соответствии с идеей Н. Бора, разным областям знания присущи общие черты целостности, индивидуальности. Их отображение с помощью обычного человеческого языка — единственного средства коммуникации между индивидами — требует дополнительного способа описания, необходимость в котором возникает вследствие обязательности учета обстоятельств, которые делают однозначным применение наших первичных понятий^{3, 3}.

Социальные реконструкции — отнюдь нередкий жанр в отечественной археологии. Правда большая часть работ тематически связана с ранними кочевниками и эпохой бронзы. Это обусловлено особенностями источниковой базы этих периодов, а также историей развития науки. Имеется в виду решительное количественное преобладание примеров раскопок могильников над прочими типами памятников. Кроме того, для целого ряда регионов и временных отрезков погребения остаются практически единственными свидетельствами существования тех или иных культур и общностей. Периоды бронзового и раннего железного веков — время широкого распространения курганного обряда погребения, который часто (и некритически)⁴ рассматривается как основной способ обращения с умершими. Явные противоречия с данными поселений или аномалии структуры смертности игнорируются либо считаются не оказывающими существенного влияния на характер выборки. Этот и другие поводы заставляют задуматься над адекватностью предлагаемых исследователями версий социальной структуры. Ощущая явную недостаточность «традиционного» трехчленного деления (часто со ссылкой на индоевропейские реконструкции Ж. Демюзиля⁵), некоторые специалисты пошли по пути многократного умножения числа социальных групп⁶, что

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-96906 «Генезис и эволюция колесничного комплекса Северной Евразии в эпоху бронзы».

в конечном итоге восходит к признанию множественности социальных отношений, отображенной в погребальном памятнике⁷

Представляется, что этот подход, все же не способен снять противоречия, и причиной является недостаточное внимание к идеологической составляющей формирования некрополей. На словах почти всегда признается не прямой характер отражения социальных структур в погребальной обрядности, на деле способы «перевода» с языка «ископаемых» фактов на язык исторических реконструкций так и не проработаны. Нельзя сказать, что идейные основы, связанные с формированием тафокомплексов, игнорируются — работ на эту тему предостаточно, но именно *определяющее влияние* идеологии на облик погребального комплекса кажется недооцененным. В качестве исключений из этого правила могут быть упомянуты работы Е.В. Антоновой и Д.С. Раевского⁸

Проблемы социальной интерпретации памятников археологии имеют не только отечественную, но и обширнейшую иностранную историографию (которая, к сожалению, доступна автору только в англоязычной части). Правда, понимание термина «социальный» сильно разнится: от одной из общественных подсистем (процессуалисты) до едва ли не всепроникающего явления, определяющего характер всех основных сфер жизнедеятельности (пост-процессуалисты)⁹ В целом современная социальная археология объединяет целый ряд тематик, среди которых наибольшее распространение получили изучение социальных связей; социальная эволюция; рассмотрение семьи и домохозяйства; происхождение неравенства и государства; становление социальной сложности; обмен и торговля и т. д.¹⁰ Естественно, эти аспекты в разной степени представлены в археологических объектах, особенно в погребальных.

Одним из возможных выходов из проблемной ситуации может стать создание альтернативных вариантов трактовки социальной структуры, базирующихся на разных основаниях. Во-первых, исследователем может формироваться система представлений об упорядоченной совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих в определенных рамках социальных групп, институтов и отношений между ними, в ее основе лежат общественное разделение труда, наличие специфических потребностей и интересов, ценностей, норм и пр. Базой для таких заключений обычно служат кросс-культурные исследования, подтверждающие наличие корреляции между социальной позицией погребенного и вариантом погребальной обрядности, а также сопоставление результатов анализа разных типов памятников; демографические расчеты; оценка характера экономической активности и экологической емкости территории; выводы антропологов и т.п. Цель такого построения — создание картины социальной жизни, максимально приближенной к реалиям прошлого. Во-вторых, имеет смысл попытаться диагностировать основные идеи, материальным воплощением которых служит погребальный памятник, тем самым установить (хотя бы в элементах) то, как выглядит идеал социума в

глазах носителей данной традиции. В данном случае мы сосредоточимся на втором варианте, тем более, что первый представлен гораздо шире в трудах исследователей.

Опыт рассмотрения памятников южно-уральского бронзового века со всей очевидностью демонстрирует существенную разницу в составе и облике археологических объектов. Часть этих различий обусловлена характером экономической активности и связана с занимаемой экологической нишей. Однако на всем протяжении эпохи бронзы животноводство неизменно оставалось основой жизнеобеспечения (вариации касаются соотношения видов животных и вероятно форм их содержания). Начиная с периода ранней бронзы, Урал также был самостоятельным центром металлопроизводства. Перечень иных промыслов, вероятно, не претерпел заметных изменений в течение эпохи бронзы, равно и степень их специализации¹¹

Иначе выглядит картина социальной жизни, которая иллюстрируется заметными различиями в погребальной обрядности, размере и облике поселений. Хотя далеко не все культуры обеспечены в полной мере необходимой информацией (широко раскопанные могильники, профессиональные антропологические определения и пр.), некоторых выводы вполне возможны. Группируя дифференцирующие признаки в соответствии с предложенной В.С. Ольховским схемой¹², можно на уровне первичной констатации уяснить общее и особенное для культур III–II тыс. до н. э. Хотя курганный обряд захоронения является основным (исключения относятся только к интрауральным синташтинским, петровским погребениям, и, вероятно, к финалу эпохи бронзы), внешний облик конструкций, состав погребенных, способы организации пространства и прочие черты часто отличаются радикально. Объединяющим моментом является, пожалуй, лишь вариативность обрядовой практики в рамках каждого культурного «канона». Среди признаков, практически не нашедших отражения в обрядности, — имущественные и религиозные различия. Только для федоровской культуры, имеющим резкие различия с близкой по хронологии алакульской, можно предполагать попытку выразить культурную специфику за счет способа обращения с покойным и облика погребальной архитектуры¹³. В отличие от них матримональные отношения, возрастные, гендерные и ранговые структуры представлены достаточно полно, профессиональные — в меньшей степени.

В действительности большинство социальных реконструкций сосредоточено на поиске атрибутов *статусных* различий и, в конечном итоге, социальной иерархии. Горизонтальные структуры и связи изучаются гораздо реже. Для уральского бронзового века вариантов воплощения первого аспекта множество — локализация на площадке; сложные обрядовые действия (конструкции могил, жертвоприношения и пр.); «инсигнии» власти. Этот список практически для всех культур (за вычетом, разве что, алакульской и срубной КИО) может быть дополнен селективным принципом формирования курганных некрополей, в которых покоится явное меньшинство реально умерших. Горизонтальная составляю-

щая социальной структуры может быть изучена благодаря многомогильным комплексам, парным погребениям и др.

С позиций формального анализа, можно не только констатировать наличие разных социальных групп (без учета возрастных и гендерных), но попытаться их интерпретировать с привлечением погребальной атрибутики. Однако при более пристальном рассмотрении ситуация оказывается не столь проста. В качестве иллюстрации могут быть использованы погребения ямной общности в ее приуральском варианте. Среди покойных резко преобладают *взрослые мужчины* (в некоторых случаях сопровождаемые детьми), как правило, помещенные в *индивидуальные* могильные ямы единственные в кургане. Имеются и вариации этого «канона», например, парные погребения¹⁴. Сопровождающий инвентарь достаточно разнообразен, но основные категории металлокомплекса (в меньшей степени остальное) связаны с *деревообработкой, производством и обработкой металла, военным делом*. Вполне очевидно (в том числе и в свете крайней немногочисленности захоронений культуры, охватывающей минимум полтысячелетия), что курганы были местом упокоения абсолютного меньшинства умерших. Трудозатраты на возведение наиболее крупных сооружений, обилие инвентаря, некоторые черты обрядности и атрибуты заставляют видеть в этой группе свидетельства существования элиты.

Хотя разнородность обрядовых черт некоторые авторы объясняли хронологическими причинами, большинство придерживается версии о разнообразии социальных ролей погребенных, что позволяет выделить трех-четырёхчленную структуру¹⁵. Выявленные наборы инструментов часто рассматриваются как прижизненный инвентарь, хотя, по наблюдениям С.В. Богданова, следов использования они не имеют¹⁶. Если признать этот факт как исходный для дальнейших рассуждений, оценка прочих деталей может быть принципиально иной, поскольку возникает вопрос о разграничении предметов личной *собственности* и посмертных *приношений*¹⁷.

Курган, как объект семантически насыщенный, призван способствовать ритуальному освоению территории, закреплению за коллективом жизненно важных ресурсов¹⁸. Сама локализация могильников в местах, благоприятных для выпаса скота, составлявшего основу системы жизнеобеспечения, может служить одним из аргументов в пользу этого тезиса. Не исключено, что в этом же русле может быть рассмотрено и погребение юного литейщика в Першинском могильнике (на территории Каргалинского месторождения)¹⁹. Учитывая относительную редкость совершения курганных церемоний, резонно предположить участие в формировании комплекса большой группы людей и отражение наиболее витальных идей в ходе этих коллективных ритуалов. Весьма характерным кажется акцент на креативную деятельность, что, видимо, ассоциируется с актом первотворения, идеей демиурга и пр.

Столь же сложна интерпретация памятников со следами колесничного комплекса²⁰. Имеющаяся выборка (более 30 могильных ям синташтинской и петровской культур, составляющих до 1/5 общего числа) от-

четливо демонстрирует, что колесничная атрибутика очень редко сопровождается индивидуальные погребения мужчин, обычно в составе погребенных имеются также женщины и дети разных возрастов (симптоматично, что этот результат дают коллекции, обработанные профессиональными антропологами). Далеко не всегда колесничный комплекс локализован в сакральном центре подкурганного пространства (отчасти это объясняется тотальным разрушением центральных могил, но некоторые из них сохранили следы вкапывания колес, детали упряжи и жертвоприношения лошадей). Таким образом, хотя колесницы и ассоциированы со взрослыми мужчинами (примеры достоверных женских-«колесничих» нам неизвестны), снабженными статистически более многочисленным и разнообразным вооружением, трактовка этой группы в качестве реальных воинов-колесничих требует уточнения. Скорее, перед нами иллюстрация мифа, связанного с этой сферой, широко представленного в индоиранских источниках²¹. Отрицает ли такая трактовка знакомство населения начала II тыс. до н. э. возможность военного применения колесницы, как возможность создания и длительного поддержания этой достаточно трудоемкой сферы? По-видимому, нет.

На этих и других примерах можно констатировать явное несовпадение картин социальной жизни, с точки зрения современного исследователя и носителей традиции. Однако в некотором отношении они кажутся взаимодополняющими, особенно в свете того обстоятельства, что вторые оказывали прямое влияние на облик археологического памятника, служащего исторической источником информации для ученых.

---

¹ Антонова Е.В. Об останках животных в памятниках Бактирийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) // Центральная Азия: источники, история, культура: Мат. Междунар. науч. конф., (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). М., 2005. С. 103–117.

² Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt> С. 608.

³ Алексеев И.С. Принцип дополнительности // Методологические принципы физики. История и современность. М., 1975. <http://psylib.org.ua/books/aleki01/index.htm>

⁴ Епимахов А.В., Ражнев Д.И. Тафокомплекс и социальная реальность (по материалам синташтинских памятников) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 2. Челябинск, 2003. С. 29–32; Епимахов А.В., Ражнев Д.И.. Тафокомплекс и социальная реальность: постановка проблемы // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 24–28.

⁵ Демюзиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. С. 234

⁶ См., например: Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005.

⁷ Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. №2. С. 85–98.

⁸ Антонова Е.В., Раевский Д.С. «Богатство» древних погребений. К вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 153–169; Антоно-

- ва Е.В., Раевский Д.С. О знаковой сущности вещественных памятников и о способах их интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 207–232.
- ⁹ Hodder I. The “Social” in Archaeological Theory: An Historical and Contemporary Perspective // A Companion to Social Archaeology / Oxford: Blackwell Publisher Ltd, 2007. P. 23–42.
- ¹⁰ Chapman J. Social archaeology // Archaeological Method and Theory: An Encyclopedia New York, London: Garland Publisher, 2000. P. 570–577.
- ¹¹ Koryakova L., Epimakhov A.V. The Ural and Western Siberia in the Bronze and Iron Age). Cambridge, 2007. P. 317–326; Epimakhov A.V. Settlements and necropolises of the Bronze Age of the Urals: opportunities of reconstruction of social dynamics // Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Social Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe. Cambridge, in press.
- ¹² Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. №2. С. 89–90.
- ¹³ Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006. С. 125–126.
- ¹⁴ Моргунова Н.Л. К вопросу о парных и коллективных погребениях ямной культуры Приуралья // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. Уфа, 2006.
- ¹⁵ Моргунова Н.Л. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры (по материалам степного Приуралья) // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 15; Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994. С. 95.
- ¹⁶ Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004. С. 176.
- ¹⁷ Parker Pearson M. The Archaeology of Death and Burial. Texas, 2002. P. 85–86.
- ¹⁸ Goldstein L.G. One-dimensional archaeology and multidimensional people: spatial organization and mortuary analysis // The Archaeology of Death. Cambridge, 1981. P. 53–69.
- ¹⁹ Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург, 2000.
- ²⁰ Епимахов А.В. К вопросу о «деградации» колесничного комплекса в период поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам могильника Николаевка II) // Вестник ЧГПУ. Серия I «Исторические науки». №2. Челябинск, 2004. С. 105–111; Епимахов А.В., Чечушков И.В. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 168–182.
- ²¹ Кузьмина Е.Е. Современное состояние проблемы доместикации лошади и происхождения колесниц // У истоков цивилизации. М., 2004.